

Сони

КРИТИКЪ-САМОБЫТИКЪ

Аполлонъ Алѣксандровичъ

ГРИГОРЬЕВЪ.

(КЪ XXXV ЛѢТНЮ СО ДНЯ ЕГО СМЕРТИ).

БІОГРАФІЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

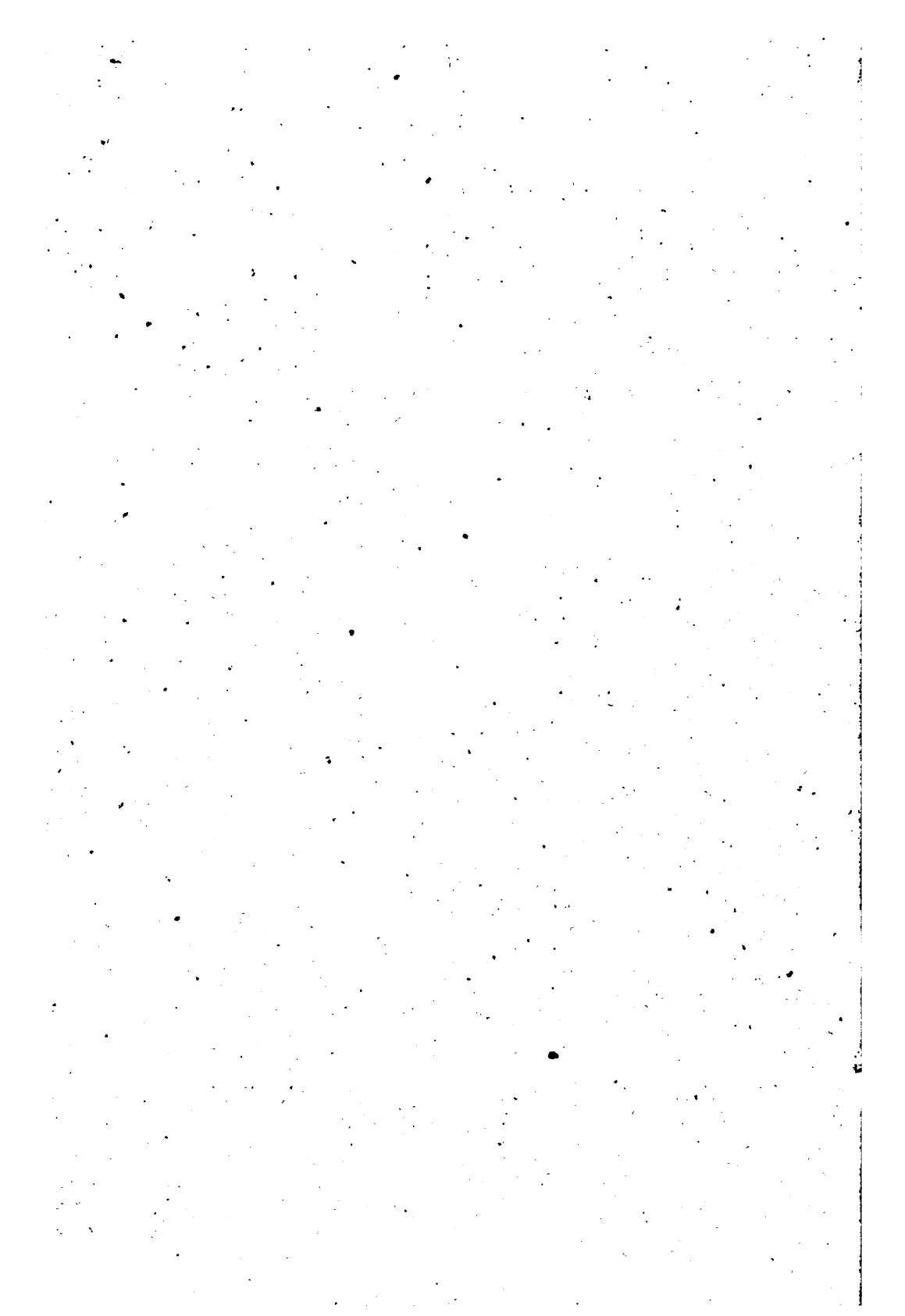
СЪ ПОРТРЕТОМЪ.

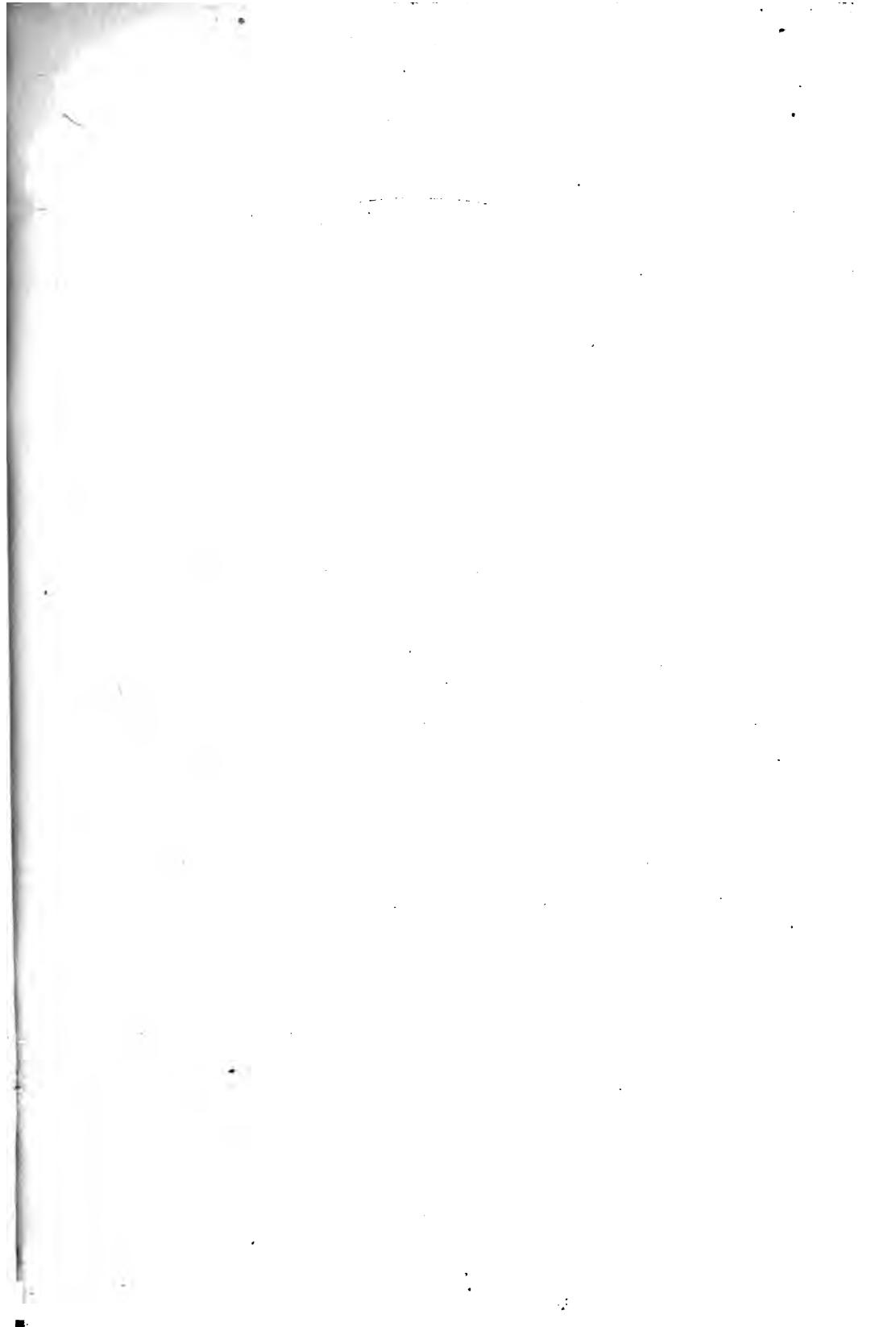
Л. М. Шахъ-Пароніанцъ.

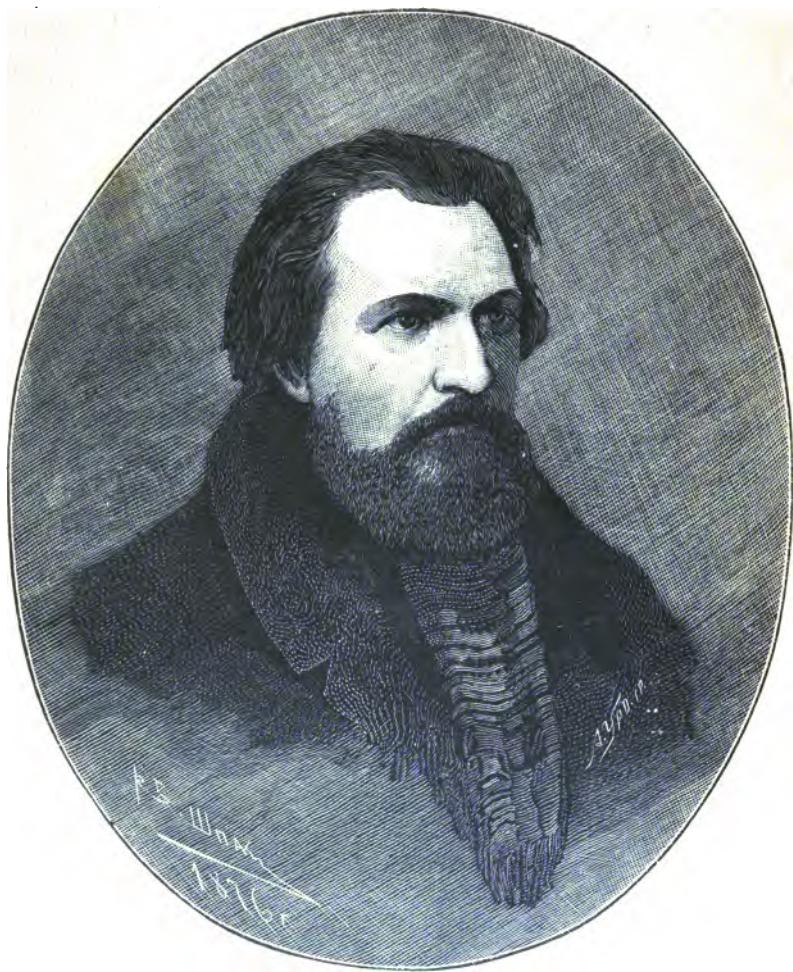

С.-ПЕТЕРВУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Театральная Площадь, 2.
1899.

Аполлонъ Александровичъ
ГРИГОРЬЕВЪ.

Типо-Литографія А. Е. Лапдау. Театральная Площадь, 2.
Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 Февраля 1899 г.

КРИТИКЪ-САМОБЫТНИКЪ

АПОЛЛОНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

ГРИГОРЬЕВЪ.

(КЪ XXXV ЛѢТІЮ СО ДНЯ ЕГО СМЕРТИ).

БІОГРАФІЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ.

Л. М. Шахъ-Пароніанцъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Театральная Площадь, 2.

1899.

Slaw 4341, 30, 815

✓

Meller

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11 февраля 1899 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемый биографический очеркъ одного изъ замѣчательныхъ истинно русскихъ мыслителей является въ нѣкоторомъ родѣ опытомъ, далеко не полнымъ, надлежаще не отдѣланнымъ и слабымъ сравнительно съ тѣмъ, какого заслуживаетъ великий критикъ нашего отечества. Писатель, жизнь котораго преисполнена безпрерывной геройской внутренней и внѣшней борьбы, дорогихъ побѣдъ и горькихъ неудачъ, важныхъ заслугъ передъ родиной и тяжкихъ обидъ со стороны современниковъ, достоинъ во имя глубокой признательности потомства болѣе искуснаго пера и ждетъ себѣ талантливаго рассказчика.

Какъ извѣстно, пробѣлы и промахи въ каждой работѣ становятся виднѣе только по окончаніи ея; равнымъ образомъ многие недостатки въ изложеніи этой книжки обнаружились самому автору лишь позже; но онъ не рѣшился отказаться отъ мысли выпустить ее въ свѣтъ въ настоящемъ видѣ, вслѣдствіе глубокаго сознанія имъ полезности ея для снискодительнаго читателя и въ надеждѣ на возможность переработки ея въ слѣдующемъ изданіи на основаніи указаний строгихъ, но безпредвзятыхъ рецензентовъ.

Главной задачей составителя жизнеописанія Аполлона Александровича Григорьева служитъ напомнить сообща съ голосами друзей покойнаго и лучшихъ русскихъ людей обществу о даровитѣйшемъ критикѣ, честно ратовавшемъ по гробъ свой за пробужденіе народнаго самосознанія, за самостоятельность изящнаго искусства и литературы и за развитіе правильныхъ эстетическихъ возврѣній и вкуса. Такой голосъ необходимъ и понадобится еще не одинъ до тѣхъ поръ, пока труды Аполлона Григорьева,

составлявшіе его плоть и кровь, покоятся въ архивной пыли на пожелтѣвшихъ страницахъ отошедшихъ въ вѣчность органовъ печати, и пока наслѣдники его или другія лица, предпочитающія затрачивать крупныя суммы денегъ на печатаніе различныхъ курьезовъ западно-европейской мысли, не расщедрятся хоть сколько-нибудь на изданіе полнаго собранія сочиненій критика-самобытника.

Кстати кое-что объ этомъ энитетѣ. Слово «самобытникъ», быть можетъ, вовсе не существуетъ или мало употребительно, но оно весьма точно передаетъ основной характеръ личности и дѣятельности Аполлона Григорьева.

Въ нынѣшнемъ году, 25 сентября, исполняется 35 лѣтъ со дня смерти критика-самобытника. Между тѣмъ до сего времени нѣть его цѣнныхъ произведеній, кромѣ одного тома, не только въ народныхъ читальняхъ, посвященныхъ славнымъ именамъ Пушкина, Лермонтова, Гоголя и другихъ русскихъ классиковъ, но и въ магазинахъ и въ библиотекахъ для интеллигентіи; не безъ малыхъ хлопотъ достается чтеніе его литературныхъ работъ и критическихъ статей, разбросанныхъ въ разныхъ журналахъ, и въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Кто же поручится, что не пройдетъ еще 15 лѣтъ и не наступить полуувѣковая годовщина кончины Аполлона Григорьева, а русскій писатель для горячо любимаго имъ русскаго народа не останется все тѣмъ же «однимъ изъ ненужныхъ людей», какъ онъ съ горечью въ душѣ называлъ себя въ послѣдніе годы жизни?

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Памяти А. А. Григорьева ¹).

Тебя я зналъ! Ты былъ одинъ изъ нихъ,
Изъ тѣхъ людей, чья жизнь полна тревоги.
Глубокихъ думъ, восторговъ молодыхъ...
Кого влекутъ таинственные боги
Всесильно въ міръ страдавій роковыхъ;
Кто жаждетъ жить со всемъ вполнотою...
Ты самъ сказалъ: „хоть мигъ—и тотъ за мною!“
И правъ ли ты, иль драко виноватъ—
Не намъ судить! О вѣръ, нашъ милый братъ,
Учитель нашъ восторженный, но строгій,—
Ты дорогъ намъ за то, что вѣрилъ много.

К. Бабиковъ.

Духъ времени и отраженіе его въ жизни Аполлона Григорьева.

Жизнь Аполлона Александровича Григорьева, даровитаго русскаго критика, интересна не только какъ выдающагося общественнаго дѣятеля, но и какъ передового человѣка своего времени, отразителя характера, возврѣній и мыслей извѣстной эпохи со всѣми ея сильными и слабыми сторонами.

Характерныи признакомъ нашего столѣтія служить быстрая смѣна въ Европѣ политическихъ событий, научныхъ системъ, литературныхъ направлений, формъ жизни — однимъ словомъ, какъ выражался покойный критикъ, вѣяніе. Равнообразныя теченія европейской мысли не оставались для Россіи чуждыми. Почти каждое десятилѣтіе надъ нею проносились новыя вѣянія, возбудительно дѣйствовавшія на настроеніе общества и о дѣльныхъ личностей и вызывавшія борьбу старыхъ началь

¹ „Эпоха“ 1864 г., октябрь.

сь новыми. Особенно отъ частыхъ перемѣнъ направленій умственного движенія зависѣло то болѣзньенное состояніе современного человѣка, которое выражается въ необыкновенной его нервности и раздражительности. Еще большую силу вліянія вѣяній должны были чувствовать на себѣ люди отъ природы впечатлительные, живые и подвижные. Къ числу такихъ именно натуръ принадлежалъ Аполлонъ Григорьевъ. «Это былъ, во-первыхъ, литераторъ въ томъ старомъ, исключительномъ значеніи этого слова, которое многимъ теперь уже становится непонятнымъ, такъ какъ публицистика все болѣе и болѣе завладѣваетъ у насъ литературной средой; во-вторыхъ, это была натура артистическая въ столь же полномъ и исключительномъ значеніи слова. Явленія чистой мысли, поэзіи и сопредѣльныя съ нею изящныя искусства составляли для него все, поперемѣнно увлекая его въ свою область. То философія, доведенная нѣмцами до поэзіи, то дѣйствительно поэтическія явленія современныхъ французской, нѣмецкой, англійской и русской литературы, то сценическое искусство и музыка, то сама жизнь съ своихъ обаятельныхъ, увлекающихъ сторонъ владѣла имъ безраздѣльно. Онъ не только изучалъ, напримѣръ, въ свое время философію, или восхищался поперемѣнно сочиненіями Шиллера, Гюго, Байрона, Бальзака, Занда, Гейне, Лермонтова, Тургенева, Островскаго; онъ, такъ сказать, переживалъ все это, почти постоянно глядя на жизнь сквозь призму, подставленную имъ однимъ изъ его любимцевъ: а все это болѣе или менѣе ярко отражалось въ его послѣдовательныхъ трудахъ, придавая имъ характеръ какъ бы чего-то неустановившагося, измѣнчиваго¹⁾.

Быть можетъ, подъ вліяніемъ новыхъ и новыхъ вѣяній чуткая, воспріимчивая и отзывчивая душа Григорьева соиздала изъ него въ жизни не поэта, въ полномъ смыслѣ этого слова, но борца мысли и литературного судью. Огромное значеніе вѣяніямъ приписываетъ и самъ онъ въ автобіографіи:

¹⁾ „Библиотека для чтенія“ 1864 г. № 8.

графії: «Мои литературные и нравственные скитальчес-
ства» ¹⁾.

Не долго суждено было ему прожить, всего 42 года, но и въ этот короткій промежутокъ времени онъ испыталъ не мало умственныхъ переворотовъ: онъ ознакомился съ духомъ сколастики XVII в. изъ уроковъ, даваемыхъ ему семинаристомъ; съ идеями нравственной философіи и католицизма XVIII в. по произведеніямъ французскихъ и англійскихъ ложноклассическихъ литературъ, съ неодолимою жаждою перечитываемыхъ его отцомъ; съ характеромъ романтизма и материализма и съ метафизикой Шеллинга и Гегеля, способствовавшей развитію славянофильства съ его идеализмомъ и демократизмомъ и со всѣми послѣдующими измѣненіями и развѣтвленіями теоріи, которая возникла на русской почвѣ, какъ-то: съ ученіями западниковъ, почвенниковъ, нигилизмомъ и т. п. Онъ съ юношескихъ лѣтъ поочередно платилъ дань каждому изъ этихъ направленій мысли 20, 30, 40, 50 и 60-хъ годовъ.

Но было еще одно вѣяніе, которое не только взяло въ концѣ концовъ верхъ надъ всѣми упомянутыми, но дало опредѣленную физиономію русскому критику и обнаружило его оригинальность. Вѣяніе это было основное, коренное, было первымъ и послѣднимъ вѣяніемъ въ жизни Аполлона Григорьевъ. Оно заключалось для критика въ идеяхъ русской самобытности. Послѣднія составляютъ ключъ къ пониманію личности Григорьевъ и разгадку всей его литературной дѣятельности. Вотъ чѣмъ именно интересна жизнь Аполлона Александровича Григорьевъ, человѣка рѣдкихъ достоинствъ по своему душевному складу, по беззавѣтной преданности дѣлу всего своего существованія, и гражданина, котораго въ отечествѣ равно высоко цѣнили и цѣнятъ какъ самые близкіе друзья, такъ и ярые противники, ненавистники его сторонниковъ.

---

¹⁾ „Время“ 1862 г. №№ 11 и 12, „Эпоха“ 1864 г. №№ 3 и 5.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Родина. — Семья. — Дѣтство. — Влияние дворянства. — Домашнее обученіе. — Чтеніе книгъ.

Родился А. А. Григорьевъ въ 1822 году въ Москвѣ въ домѣ Козина у Тверскихъ воротъ, но росъ въ наиболѣе своеобразной по своему давно сложившемуся быту и обстановкѣ старины части древней столицы—въ Замоскворѣчье. Россія въ то время только что успѣла сбросить съ себя бремя недавнихъ неизгодъ нашествія французовъ, и въ воздухѣ еще сильно чувствовались слѣды мощнаго подъема народнаго духа. Москва двѣнадцатаго года была полна преданій.

Московскій пожаръ отозвался и на судьбѣ семейства Григорьевыхъ. Они прежде жили подъ покровительствомъ помѣщика, дѣда Аполлона Александровича, довольно богато, а потомъ, когда у старика сгорѣли два дома на Дмитровкѣ, жизнь всего рода ихъ перемѣнилась, и о прошломъ осталось въ душѣ впечатлительного ребенка навсегда смутное воспоминаніе какого-то счастья. То же обстоятельство послужило родителямъ его причиной перѣезда въ Замоскворѣчье на Болвановку.

Родители Аполлона Григорьева хотя по мужской линіи происходили изъ духовнаго званія, а по женской изъ вольно-отпущенническаго сословія, были тѣмъ не менѣе дворяне и дворянскую честь цѣнили wysoko. Его отецъ, Александръ Ивановичъ, титулярный совѣтникъ, человѣкъ умный и добродушный, но поверхностно образованный, безхарактерный, служилъ секретаремъ въ магистратѣ и пользовался въ кругу сотоварившій большими вѣсами, благодаря своему воспитанію въ Благородномъ пансіонѣ московскаго университета и знанію французскаго языка.

Жена его, Татьяна Андреевна, была дочерью крѣпостнаго

кучера Григорьевыхъ. «По семейнымъ преданіямъ, Александръ Ивановичъ, служившій первоначально въ сенатѣ, какъ передаетъ сынъ критика, увлекся ею и, вслѣдствіе препятствія со стороны своихъ родителей къ браку, «запилъ» и потерялъ мѣсто. Приживъ съ возвлюбленною сына Аполлона, онъ былъ поставленъ въ необходимость обвѣнчаться съ нею» ¹).

О матери своей Аполлонъ Григорьевъ отзыается, какъ о женщинѣ, не получившей никакого образованія, кромѣ чтенія азбуки, справедливой и съ нѣкоторымъ эстетическимъ чувствемъ, умѣвшей прекрасно пѣть по слуху, но въ то же время крайне раздражительной вслѣдствіе болѣзненныхъ припадковъ.

Авторитетъ ея чувствовался во всемъ домѣ, и Александръ Ивановичъ, способный жить во всякой обстановкѣ ради тишины и мира, по рефлексіи беззवѣтно подчинялся своей супругѣ.

Отецъ критика впослѣдствіи страдалъ приступами неистовства, унаследовавъ родовой недугъ.

Ненормальное настроеніе родителей вліяло на ребенка, усилило его впечатлительность и сдѣлало его сострадательнымъ до болѣзненности.

Болѣе здоровой и энергической натурой рисовался въ воображеніи дитяти его дѣдъ Иванъ Григорьевичъ, который косвеннымъ образомъ вѣсколько позднѣе содѣствовалъ литературному развитію мальчика. «Дѣдъ мой, вспоминаетъ съ отраднымъ чувствомъ Григорьевъ, въ общихъ чертахъ удивительно походилъ на старика Багрова, и день его въ ту эпоху, когда онъ уже могъ жить на покое, мало различался отъ дня Степана Багрова. Разница между нимъ и Степаномъ Багровымъ заключалась въ томъ, что онъ же, кряжевый человѣкъ, поставленъ былъ въ иныхъ жизненныхъ условіяхъ. Онъ не родился помѣщикомъ, а сдѣлался имъ, да и то подъ конецъ своей жизни, многодѣльной и много-трудной. Пробилъ онъ ее, разумѣется, службой, а потому про-тиль, что былъ человѣкъ умный и энергичный. У него была

¹) А. Григорьевъ. „Одинокій критикъ“. Книжки Недѣли. 1895 г., августъ, с.р. 6.

страшная жажда къ образованію. Онъ былъ большой начетчикъ духовныхъ книгъ и даже нерѣдко спорилъ съ архiereями; послѣ него осталась большая библіотека, которой пользовались его потомки. Дѣдъ мой былъ знакомъ съ Новиковыми и отъ него получилъ много книгъ».

Первыми пріятными впечатлініями дѣтства Григорьева были тѣ, которыя онъ вынесъ отъ ранняго своего сближенія съ людьми изъ простого народа. «Суевѣрія и преданія окружали мое дѣтство, какъ дѣтство всякаго, — говорить онъ,— большой или небольшой руки барченка, окруженаго большой или небольшой дворней и по временамъ совершенно предоставляемаго ей. Дворня, а у насъ именно испоконъ вѣка велась она, несмотря на то, что отецъ мой только что жилъ достаточно, была вся она изъ деревни, и съ ней я пережилъ весь тотъ міръ, который съ дѣйствительнымъ мастерствомъ передалъ Гончаровъ». — Это соприкосновеніе съ простонародьемъ оказалось на мальчика много хорошаго и не мало вреднаго вліянія, но во всякомъ случаѣ имѣло весьма важныя послѣдствія въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ. Вредъ сказался въ преждевременномъ пробужденіи въ немъ физическихъ инстинктовъ и въ чрезмѣрномъ развитіи фантазіи. «На безобразно нервную натуру мою, замѣчаетъ Григорьевъ, міръ суевѣрій подействовалъ такъ, что въ 14 лѣтъ, напитавшись, кромѣ того, Гофманомъ, я истинно мучился по ночамъ въ своемъ мезонинѣ, гдѣ спаль я одинъ съ Иваномъ, или Ванюшой, который былъ моложе меня годомъ. Лихорадочно-тревожно прислушивался я къ бою часовъ, а они же притомъ шипѣли и сопѣли страшно неистово, и засыпалъ всегда только послѣ 12 часовъ, послѣ крика предразсвѣтного пѣтуха». Но вотъ и хорошая сторона такого сближенія. Вопросъ этотъ не разъ останавливалъ на себѣ умы педагоговъ, но факты не ждутъ рѣшеній ученыхъ, и въ данномъ дѣлѣ болѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ, играетъ роль случайность. Дворовые очень любили ребенка и не таили отъ него своихъ секретовъ, что давало ему возможность приглядѣться

лучше къ характеру и душевнымъ качествамъ простого русского человѣка, на которомъ много грубыхъ слѣдовъ оставило крѣпостное право. Дѣтскія наблюденія должны были невольно поселить въ груди будущаго поборника народныхъ началь жизни неугасимую привязанность къ порабощенному люду. «Рано также изучилъ я всѣ тонкости крѣпкой русской рѣчи, и отъ кучера Василія наслушался сказокъ о батракахъ и ихъ извѣстныхъ хозяевахъ; вообще кучера Василія,—заключаетъ съ чувствомъ благодарности Григорьевъ,—во многихъ отношеніяхъ я долженъ считать своимъ воспитателемъ, почти на половину моимъ первымъ учителемъ». Ни мать, ни отецъ не препятствовали близкимъ отношеніямъ сына къ дворовымъ и сами вообще относились къ нимъ человѣчно, заботливо, не стѣсняя ихъ въ ихъ веселіи и даже попойкахъ. Чѣмъ характеризовалось самое сближеніе, видно изъ слѣдующаго. «Во всѣ народныя игры игрывалъ я съ нашей дворней на широкомъ дворѣ: и въ бую, и въ лапту, и даже въ чехарду, когда случалось, что отецъ и мать уѣзжали изъ дома въ гости и не брали меня; всѣ басни народнаго животнаго эпоса про лисицу и волка, про лисицу и пѣтуха, про житье-бытье пѣтуха, кота и лисицы въ одномъ домѣ—переслушалъ я въ осеннія сумерки отъ деревенской дѣвочки Маринѣ, взятой изъ деревни собственно для забавы мнѣ».

Если ко всему этому прибавить еще вліяніе на мальчика съ пылкимъ воображеніемъ его дѣда и двоюродной тетки, лицъ съ доброй, восторженной душой, рассказывающихъ дитяти съ своей стороны разныя чудеса и исторіи о мертвцахъ и колдунахъ, нисколько не удивительны будутъ то глубокое сочувствіе, та горячая любовь, то глубокое пониманіе родного народа, которыми проникнуты критическія статьи и прочія произведенія талантливаго, смѣлаго провозвѣстника русской самобытности. Впослѣдствіи Григорьеву вспоминалось все это: и басни и пѣсни народа, и рассказы и книги дѣда. Эти обстоятельства его дѣтства такъ глубоко запали въ его душу, что заставили его въ автобіографіи отвести имъ едва ли не первое